

84172155
Ж 52

ВЛАДИМИР
ШЕСТЕРИКОВ

*Лилые
снега*

81-
ВЛАДИМИР
ШЕСТЕРИКОВ

*Лилые
снега*

Стихи

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1988

1 ЕНТ

90

84P7—44
Ш 52

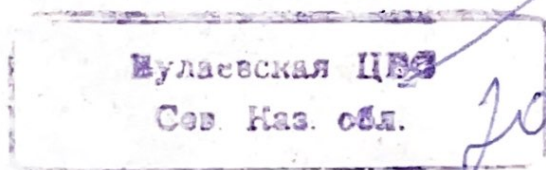
932

Рецензенты:

Н. Чернова, член СП СССР,

И. Шухов, член СП СССР

- 35001 -

4702010200—133

Ш ————— 153—88
402(05)—88

ISBN 5—605—00153—1

© Издательство «Жазушы», 1988

ИЗ ТОЙ ТИШИНЫ

* * *

Встают над июнем рассветы.

Как в том

сорок первом году,

Не видел я грозного лета,

Но будто —

иду и иду

По травам заржавленным,

горьким,

По выжженной ленте тропы,

И это —

в мою гимнастерку

Ржавая

въедается пыль.

Немыслим цветения запах,

Плывущий вдоль дымной земли,

Какие поэты и пахари

На травы июня легли!

Творцы из орлиного племени

Своих
 не доделали дел..
Какие —
 погибли поэмы,
И колос —
 какой — не созрел.

Гремят раскаленные пушки,
Расплавленный
 льется металл,
И может быть, будущий Пушкин
В рассвет тот июньский
 упал.
Потомкам своим беспокойным
Я вряд ли ответить смогу
На трудный вопрос,
 на каком он
Остался лежать берегу.

Себя обвиняя сурово,
Как будто моя в том вина,
Все думаю:
 вдруг, если снова
Повыкосит лучших война.

Тропинками мирного лета
Я в грозную память иду..
Встают над июнем рассветы,
Как в том,
 сорок первом году.

* * *

«Гремят о шеломы мечи...»

(«Слово о полку Игореве»)

Звенели в ошеломленной
Степи

на заре и в ночи

В седые века,

о шеломы

Гремя и ломаясь, мечи.

Недолго врагам быть,

недолго

В раздольях славянской земли...

Каяла, Непрядва и Волга

Сквозь сердце мое протекли.

Ты помнишь, как шли эшелоны

На запад

в лихие года,

И сколько осталось шеломов

На поле

на ратном

тогда.

Вложить бы оружие в ножны,

Шеломом водицы испить,

Но в мире, как прежде, тревожно

И враг у прицелов не спит.

Вздохнуть бы полям опаленным,

Но столько столетий подряд,

Сверкая, мечи о шеломы,

Как в век Ярославны, гремят.

Давно нам живется иначе,

Но голос её и сейчас

Все так же тоскует и плачет,

Как прежде,

в тот утренний час.

ПОРА СУХОРОСА

Уходя, молвил просто
Он

с улыбкой сквозь грусть:
Я —

к поре сухороса
Непременно вернусь.

Будет круглые сутки
Молотить мой комбайн...
Будут песни и шутки
Литься в степь через край.

Так и врезался в память
Он твою навсегда:
Перетянут ремнями,
На пилотке — звезда.

Ты в грозу ту узнала,
Ни жена, ни вдова,
Как сухими слезами
Плачет в поле трава.

Как стучится без спроса
В дом лихая беда...
Степь...

Пора сухороса.
Меркнет в небе звезда.

ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ

Лодейное поле...

Лодейное поле...

Мне кажется все еще —

будто вчера

С крутых стапелей в голубое приволье
Отсюда сходили фрегаты Петра.

Быть может,

тогда прорубиться в Европу

С Балтийского моря они помогли...

...Колочей травой зарастают окопы,

Осколки торчат в каждой пяди земли.

Её отстояли совместно с другими

Бойцами

мои земляки...

За тысячу верст от неё Приишимье,

Но Свирь и Ишим — две родные реки.

Рвались здесь снаряды и были фугасы,

Ржавела земля от посева свинца,

И нет уж в живых лейтенанта запаса —

В живых

моего

нет

отца.

Гвоздики сбегаются алою ратью

На поле сраженья,

где на бегу

Споткнулись с Ишимского берега ребята,

Оставшись на Свирском лежать берегу.

В седую легенду и быль окунувшись,

Я чувствую всею душой наяву,

Какая есть связь между веком минувшим

И веком, в котором я нынче живу.

А Свирь все течет и течет величаво,

В течении плавном своем широка,

ЧЕРНАЯ БЕРЕЗА

То ль ей душу опалили грозы,
То ли ствол ей
 молния прожгла,
То ли в лес к нам
 черная береза,
От беды скрываясь,
 забрела.

Или угодило в лес снарядом
И лишь чудом выжила она,
Когда смерчем прошумела рядом
Страшная жестокая война.

И до боли нам напоминая
Наших незабвенных матерей,
Когда выюга налетает злая,
Не сгибается в беде своей.

Будто ждет,
 когда к коре целебной,
Запоздалый путник припадет,
И она взлетит вдруг
 черным лебедем
И печально в небе поплывет.

ЭХО ТИШИНЫ

С замиранием слушали люди
Тихину долгожданной весны,
Когда смолкли навеки орудия
Самой долгой,
 великой войны.

И куда бы они не уехали,
И надеждой,
и верой полны,
Через годы им слышится эхо
Той,
второй мировой тишины.

Только время суровое тронешь —
Зазвенит, как горячий свинец,
Эхо горьких, как скорбь, похоронок,
Эхо выжженных трав и сердец,

Эхо мужества,
эхо страданий,
Эхо памяти,
эхо войны,
Что звучит, как набат, заклинаньем:
Третьей нам,
не дай бог,
тишины.

ПОБУДКА

Приснился мне праздник великий:
Сияние лиц и очей,
И солнца слепящие блики
На трубах шальных трубачей.

Начищена медь боевая,
И сводный оркестр духовой
В едином порыве играет
Всем битвам и войнам отбой.

Затих где-то ветер погони,
Расходятся с плаца полки,

Лихие

 расседланы кони,
Покоятся в ножнах клинки.

Мне снится...

 А где-то, быть может,
В миг этот
 при вспышке зарниц
Играет побудку тревожно,
Бойцов созывая, горнист.

И значит,

 в поход собираться...
Вот так же
 врагам на беду
Играла труба в восемнадцатом
И в том, сорок первом году.

* * *

Ах, где вы, мальчишки-задиры,
Которыми двор знаменит?
Рождаются девочки к миру —
Народная мудрость гласит.

Рождаются девочки к миру...
Неужто мальчишки к войне?
Владеть им мечом и секирой,
Скакать на лихом скакуне.

А значит,

 а значит,
 а значит,
Поникнет их старая мать,
И надо,
 и надо удачи

Мальчишкам бы
тем
пожелать.

Помилуй их время, помилуй
В своей и чужой стороне...
Все дети рождаются к миру,
Никто не родился к войне.

ДВЕ ВОЙНЫ

Огни пристанционных зданий
Навстречу поезду летят...
Как на особое задание,
Собрался старший лейтенант.

В глухую полночь,
как в бойницу,
Зачем-то пристально глядит.
...Везёт отец меня в больницу,
Диагноз грозен:
спондилит.

Он смело дрался за планету,
От взвода требуя огня...
Но как спасти от лихолетья
Грозы невиданной —
меня?

Бессильны тут его солдаты
В своем порыве боевом,
Никто не сможет лейтенанту
Помочь прицельным артогнем.

Ещё не спороты погоны,
Шинель затянута в ремни...

Все перегоны.

Перегоны.

Пристанционные огни.

...Лязг буферов, железа грохот

Тревожно будят тишину,

Мы уезжаем на войну

С проклятой палочкою Коха.

ПОДРАНКИ

Хотя мы не горели в танках,

Но, простыней замечены,

Лежим в больнице, как подранки

Незабываемой войны.

Пора б к ребятам воротиться

В родное дальнее село,

Лететь бы с ними вольной птицей,

Да что там...

Сломано крыло!

Обход свой делает в палатах

Как врач заботливый, весна...

...Был День Победы.

Сорок пятый!

Но ... продолжается война,

Напоминая поневоле

Мне о себе

в полночной мгле

Не знающей пощады болью

В неровно сросшемся крыле.

ДЕТСТВО

Лепят бабу на дворе ребята,

Смех ребячий сыплется, как снег,

...Я припомнил детство,
Начинался жизненный разбег.

**Вспомнились больничные невзгоды,
Белые халаты медсестер,
И в постели прожитые годы,
И недуга яростный костер.**

Детство...

Нет, оно так не смеялось
Под неволей гипсовых оков,
И по льду стремительно
не мчалось

**Тысячами солнц из-под коньков.
Жизнь мела безудержною выюгой,
Коченели ночи в полумгле,
Может быть,**

порой и было туго,
Только есть Корчагин на земле!

Есть друзья надежные...

И верю я,
Если вдруг не выиграю бой,
Ты сама сестрою милосердия
Тихо наклонишься надо мной.

МЫ ТВОИ РОДНИКИ

СОЛДАТ

Нетороплив высоких мыслей бег,
Дни грозные в памяти не стерты...
И в поле через годы человек
Идет в солдатской рыжей гимнастерке.

И —

замирает сердце на ходу,

И —

потому волнуется, наверно,

Что в нем

и в мирном нынешнем году

Еще дымится грозный сорок первый.

Как пуля, эта память горяча,
Упав подстреленною птицей с лета,
И в выхлопах шального пускача
Все слышен лай свинцовый пулемета.

Как часто бой тот

видится во сне,

И полоснет вдруг память, словно током:

Зачем,
солдат,
всегда ты на войне —
На той великой
и на той
далекой?

Но бой еще
свой
не окончил он,
О чем-то думал дерзко и упрямо,
И сел солдат в целинный эшелон,
И укатил за хмурыми ветрами.

А в том краю —
в полнеба —
свет зари,

А в том краю —
ковыльи перекаты,

В краю том,
как богатыри,
Сутулят плечи башни элеваторов.

Курок сменила на штурвал рука
И потекла привольно в кузов
буйная

Пшеницы семицветная река
Из рукава сверкающего бункера.

Да будет это
много-много лет,
Да будет солнце, поле и опушка...
Да будет хлеб,
пахучий щедрый хлеб,

Да будет хлеб!
Да смолкнут в мире пушки!

В седой степи простуженно хрипят
Моторы гулкой предрассветной ранью...
И нет сильнее призванных солдат
И мирных хлеборобов по призванию.

СУХАРЬ

Лежим в палате, как положено,
Гадаем:

 что там, на обед,
А на обед дают пирожное!
И — пляшет детвора в ответ.

Но есть причуды у больного,
Я чудаком в тот день прослыл,
Когда вдруг сухаря ржаного
Взамен —
 у няни попросил.

Вот так
 отец мой перед боем,
Чтоб сохранить души закал,
Идя дорогой фронтовою,
Сухарь хрустящий доставал.

Я, как и он, навек запомнил,
Собрав все крошки до одной,
Пропахший дымом,
 полем,
 домом,
Бодрящий дух, сухарь ржаной.

* * *

Только выйдет зорька,
Рассветет едва,
Запрягаем Зорьку.
Едем по дрова.

Гонит ветер листья
На проезжий тракт.
Птицами освистан
Чахлый березняк.

Мы въезжаем в лето,
Пряно пахнет луг.
Как скрипит телега
Без хозяйских рук!

Воздух бирюзовый,
Тишь да благодать...
В сапогах кирзовых
Сучья рубит мать.

Забираясь в поросль
Меж сухих берез,
Мы таскаем хворост,
Складываем в воз.

С братом смотрим зорко,
Как в свою судьбу,
Где корова Зорька,
Звездочка на лбу?

Ей остаться б дома,
Лес ей, как тюрьма,
Рог один обломан,
Да к тому ж хрома.

Но она беззлобно
Воз везет домой,
Запряжен в оглобли
Целый шар земной.

**Снова тракт разбитый,
Ветра свист нам вслед,
Молока попить бы,
Но — ни капли нет.**

Едем мы в деревню,
В тусклый небосвод...
Год послевоенный —
Очень трудный год.

РАЗЪЕЗД

Давным-давно когда-то мной
 Была картина эта видена:
 Старуха древняя с клюкой,
 Гусей пасущая на выгоне,

Идущие в лесную синь
По ягоды
с лукошком бабы,
Гудки толпящихся машин
У полосатого шлагбаума.

**Я видел, будто наяву,
И этот стог,
 и эту рощу,
Щипала, фыркая, траву
В степи стреноженная лошадь.**

И так же,
стоя босиком,
С тревожной грустью, неустанно

Махала девочка платком
Вслед уходящему составу.

Как будто видел я уже
И тот плетень,
и блеск зарницы...

Потом не раз в моей душе
Картина эта повторится:
Поляна.

Роща.

Тихий свет
Девичьих глаз с немym вопросом,
Летающие мне долго вслед
Листки с берез простоволосых.

ВАСИЛЬКИ

Вплетены васильки в поле хлебное,
Надо мной — васильковое небо.
Васильки.

Васильки.

Васильки
Заплетают девчата в венки.

Парни ладны здесь.

Высоки.

Загляделись на них — васильки,
И глаза стали синими,

синими,

И слывут парни

сильными,

сильными.

Васильки...

Совпадение какое! —
И название села — Васильково.

Здесь лекарствам иным вопреки
И на раны кладут васильки.

А спроси у парней, как зовут,
Улыбнутся,

плечами пожмут:

Мол,

и мы удивляемся сами:

Но представьте себе —

Васильками.

НАДЕЖДА

Матери моей

Надежде Ермолаевне

Назвали мать мою Надеждой,
Чтоб с верой в лучшее жила,
Когда без крова и одежды
Семья крестьянская была.

Пусть горя вынесла немало,
Пусть в доме хлеба и тепла
Всегда чуть-чуть недоставало,—
С надеждой мать по жизни шла.

Она ей придавала силы,
Когда на зорьке лет меня
Надолго с нею разлучила
Судьба нелегкая моя.

Она её не оставляла,
Как солница добрый луч, светла,
Когда валила с ног усталость,
Когда отца с войны ждала.

Пускай и я живу непросто,
Боль разбивает губы в кровь,—

Надеясь, веря и любя,
Я помню с гордостью,
как прежде:
Хотя на свете нет тебя,
Я сын Надежды,
сын Надежды.

СИНИЦА

Метель разматывает пряжу,
Мелькают бабушкины спицы...
Зимой под вечер не однажды
Стучалась к нам в окно синица.

Стучалась, как к друзьям-товарищам,
Проведать нас...

Она не знала,
Что вьет свое гнездо,
как варежку,
Точь в точь,
что бабушка связала.

ДЯДЯ ГНАТ

**В колхозной кузнице — жара,
Горячим зноем дышит воздух,
И дядя Гнат нас со двора
Не гонит, рассыпая звезды.**

Когда раздует он закат,
То вдруг заметишь, как красиво.
В полнеба вспыхнут возле хат
Багряным заревом осины.

А где притих колхозный пруд,
Качнется, зазвенев задорно,
Рябины раскаленный прут,
Что закален на жарком горне.

...Пусть ветер, рвущийся в простор,
Как журавля, меня приносит
В края, где с очень давних пор
Напоминает кузню осень.

Благодарю Вас, дядя Гнат,
Что через годы вижу снова,
Как листья медные летят
И так похожи на подковы.

В каком бы ни был я пути,
И в день погожий, и в ненастье,
Мне почему-то не найти
Хотя б одну из них —
на счастье.

К чему теперь поверье мне,
Когда сказал ты без кручины,
Мол, что поделаешь:
коней
Давно сменили на машины.

РОДИНКА

Называется Родинкой
Не ручей, не река...
Отражается родина
В глубине родника.

Дышит поле покоем,
Спал полуденный зной,
Ах, приволье какое,
Золотистое дно.

Куст созревшей смородины,
Пропылившийся весь,
Родниковая родина
Начинается здесь.

И нигде не кончаются
У неё берега.
Мы с тобой повстречаемся
У того родника.

Может, ты умывалась
В роднике,
озорна,
И от брызг всех осталась
Только капля одна.

Ах ты, Родинка, Родинка,—
Не река, не ручей...
Родниковая родинка
У тебя на плече.

По дорогам непройденным
Мы уйдем далеко...
Начинается Родина
С голубых родников.

Ах, ты, Родинка, Родинка,
Взмах прощальный
руки,
Куст смородины...
Родина,
Мы твои родники!

ЗЕРНА В КОНВЕРТЕ

Дочери Жанне

Хлеб, тобою присланный по почте,
Излучает рук твоих тепло,
От него,

ты понимаешь,
очень

На душе становится свежло.

Нет, не зерна жаркие в конверте,—
Ты на этот раз прислала мне
Зори, раздуваемые ветром,
Луч прощальный солнца на стерне.

Дальний гул комбайнов,
перекличку

Лето уносящих журавлей,
Синих звезд холодное величье,
Бесконечную печаль полей.

Мы настолько породнились с ними,
Будто через годы и века
Прорастем вдруг —

и добавим к ниве

Два налитых солнцем колоска.

Тихо-тихо отдадим поклоны
Людям тем,
что через много лет

Будут нянчить бережно в ладонях
Пахнувший горячим медом хлеб!

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Планирует сверху отважно,
Осенней лучистой порой,
Он,
 как самолетик бумажный,
Что
 дѣтскою послан рукой.

Планирует лист...

 И я думаю:
Он дням нашим чем-то сродни...
Как с дерева жизни бесшумно
Срываются сверху они!

Срываются тихо рассветы
И нет им возврата назад.
Чем больше нам лет —
 тем заметней
Оранжевых дней листопад.

Сквозь годы увидишь однажды,
Свой взор устремив в небосвод:
Исчез самолетик бумажный,
Ревет в синеве самолет.

...Подула метелица снежная,
Раздался неистовый свист,
Но держится,
 держится,
 держится
Последний оранжевый лист.

* * *

Знакомый нехитрый пейзаж —
Колосья шумят без умолку,
Густой паутины монтаж
Ведется в березовом колке.

Смотрю я,
как бродят грачи,
Как к току машина несется,
Как в поле скирдуют лучи
Янтарного ясного солнца.

Такая
сквозит синева,
Так
ласково осень мне светит.
Что кругом идет голова
От счастья,
что есть я на свете.

Пусть полдень от пыли ослеп
Смеется душа от приволья,
И зреют стихи, словно хлеб,
В пронизанном ветрами поле.

РОДНИК

Сюда, где ключ целебный зреет,
Теперь все едут на авто,
Глядят наивно ротозеи,
И я гляжу:

а где же тот,
Пробившийся на свет однажды
Из самой глубины земли,

Чтоб путникам усталым жажду
В горячий полдень утолить?

Никто наверно не забудет
Чудесный миг в палящий зной,
Когда заломит даже зубы
От влаги доброй и живой.

Теперь родник в бетон одели
Самой природе вопреки...
А мы душой не обмелели,
Когда мелеют родники?

* * *

Все слаще пряный дух отавы,
Все шире сильных рук размах...
И я себе отца представил
С косою-молнией в руках.

Как он,
 денькам погожим радуясь,
Неспешно сметывает в воз
Рассветы звонкие и радуги,
Раскаты прошумевших гроз.

Потом, под небом фиолетовым,
Когда закончится покос,
Плывет, как воз качаясь, лето.
Дымок отцовских папирос!..

Мне проследить бы за полетом
Того дымка еще б хоть раз,
И за каким же поворотом
Он скрылся навсегда из глаз?

Свежее ближе к ночи воздух,
Душистый движется поток...
Лежу, зарывшись в сена стог.
И земляникой пахнут звезды.

* * *

Под крылом —
 в немерянных просторах,
Где лишь ветры листьями шуршат,
Пленкой льда покрытые озера,
Сиротливый шорох камыша.

В небе говор журавлиный замер,
Долог птиц нелегкий перелет,
Только там,
 за дальними морями,
Вряд ли счастье кто-нибудь найдет.

Впереди летит вожак охрипший,
Вот и сделан им прощальный взмах...
Лишь весной ликують птичьи крики
На родных весенних берегах.

Птицы, птицы!

 Я, поверьте, знаю,
Как от встречи с родиной тепло,
Как людей свиданье с отчим краем
Тоже поднимает на крыло.

Провожая вас печальным взглядом,
Думаю я,

 глядя в облака:

Человеку крылья дарит
 радость,
А бескрылым делает
 тоска.

* * *

В печурке белой яростно горят
Свирепые морозные поленья...
Из века в век передо мной подряд
Проходят племена и поколенья.

То —
над землей поют колокола,
То —
буйствуют колосья золотые,
То —
ветер раздувает купола,
То —
пролетает конница Батые.
То —
вдруг тюльпаны вытянутся в рост,
То —
за селом подсолнух распрямится,
То —
промелькнет пушистый рыжий хвост
За кем-то устремившейся лисицы.
То вспышки молний, то борьба стихий,
То оживают давние поверья,
То шпоры распускают петухи,—
То кровь во мне
бунтует
древняя.

* * *

Открыты широко ворота,
Сугроб у самого крыльца...
Не надо плакать, мать!
Да что там.
И дом чужим стал без отца.

И на часах застыли стрелки,
Попробуй, время отыщи,
Мать разливает по тарелкам,
Когда за стол садимся,
щи.

И лишь одно пустует место...
Кто б в красный угол сесть посмел?
Вдруг колыхнулась занавеска
И ветер в форточку влетел.

И мать дала сигнал к обеду,
За ложку взявшись, наконец,
Промолвив: «Это нас проведать
Сегодня приходил отец...»

ДЕД ЕГОР

Медовый запах скошенной травы
На городском ухоженном газоне,
Повеяв очистительным озоном,
Рождает чувство родины в крови.

И видится мне в ту минуту вдруг,
Как за деревню вышли спозаранок
Косцы.

И звонко падают на луг
Цветы,
сойдя с девичьих сарафанов.

И я невольно замедляю шаг:
Мелькает на газоне перед взором
Немыслимо замасленный пиджак,
Как будто с плеч он
дедушки Егора.

Косарь и правда на него похож,
Залюбоваться можно —
так движенья споры,
Так он,
как русский молодец,
пригож,
Жаль —
не хватает здесь ему простора.
Косы крестьянской невелик разбег,
Газон — не луг.
С косой не развернуться.
Но все ж спасибо,
дед Егор,
тебе,
Что мне помог на родину вернуться...

БЕРЕЗЫ

Я на них смотрю с любовью,
И берет меня печаль:
То

они стоят, как вдовы,
Тихо всматриваясь в даль,

**Будто ждут и ждут кого-то,
Добротой озарены,
Кто вот-вот придет с работы
Или с давней той войны.**

То,
как робкие невесты,
Излучают белый свет
И поют негромко песню,
У какой названья нет.

В их чертах неповторимых,
Над раздольями полей,

Что-то есть и от любимых,
И от наших матерей.

Кто прощает все обиды,
И кому —

 поклон несу,
Будто Родину увидел
Я —
 в березовом лесу.

СТАРЫЙ ДОМ

Не здесь ли родины исток?
Сейчас с холма увижу
 древнего,
Как сторожит ворона стог
 поля, за деревней.

Там дальше, в сумраке седом,
Смотря на мир с немym укором,
Стоит забытый отчий дом
За покосившимся забором.

Да вот он!
 Я его нашел,
Пойду за поворот, и — прямо...
..Качнется под ногами пол,
До блеска выскобленный мамой.

И пригласит за стол она,
И будет радостно светиться
Её лицо.

 А из окна
Печальный свет на землю литься.

**...Взмахнуло прошлое крылом,
Седую память в сердце будит,
Давно оставлен старый дом
И в нем живут чужие люди.**

**Но, с почерневшим потолком,
С поющей старой половицей,
Казался в детстве он дворцом,
Куда уже не возвратиться.**

**Не постучусь я в дом чужой,
Туда,
 где долгой зимней ночью
Раскатисто, как домовой,
Метель в печной трубе хохочет.**

КОЛОС

**Он насквозь
 пропыленный,
Ощутимый
 на вес,
Жарким солнцем
 каленный,
Перекрученный
 весь.
Битый
 градом,
 грозою
От макушки до пят,
Пережаренный
 знанием,
На ветрах всех
 распят.**

Мытый

дождиком нудным,

Веян

снегом седым...

Вот и сила откуда,

Когда хлеб мы едим.

ВО ИМЯ ДОЛГА И ДОБРА

КРЫЛЬЯ

И самый мудрый акеакал
Ответить на вопрос бессилен,
Откуда в нас жила тоска
Так неосознанно —
о крыльях.

И кто б, скажите, не отдал
Всю жизнь
за взлета миг счастливый!
...Есть у казахов конь —
тулпар,
У русских конь есть — златогривый.

Наверно людям неспроста
Из уст в уста мечту дарили,
Тот, кто о крыльях не мечтал,
Тот не имел вовек бы
крылья.

О миг полета!

Смелых дар,
Взметнувших крылья горделиво...
...Есть у казахов конь—
тулпар,
У русских конь есть —
златогривый.

БРИГАДНЫЙ НАЛАДЧИК

Дядя Степа — бригадный наладчик,
Невысок,
неказист на вид,
Но плащом запыленным шуршит,
Словно маршальской плащ-палаткой.

«Дядя Степа! Сюда!»— ему машут,
И он к ним направляется ходко,
Поколдует над гайками, смажет —
И опять идет самоходка.

Сапоги порыжевшие стоптаны,
Полиняла на солнце роба,
После смены шумят:

«Дядя Степа!
А ты смог бы достать воробышка?»

Ну, а он ключом поворожит,
Будто к шутке той непричастный,
А в молчанье:

«Да, что там воробышка!
Вот достать бы сейчас — запчасти...»

ОТЦОВСКАЯ НИВА

Вагончик.

Дымок самосада.

Поля и поля без конца.

Летучка...

А проще — бригада,

Носящая имя отца.

В пыли подорожники тонут,
И, спичкой чиркнув о зарю,
Дымком затянулся Платоныч,
— А я,
ты прости, не курю.

Но убедительным тоном,
Баском хриповатым своим
— Кури,— говорит мне Платоныч,
И мы потихоньку смолим,
И степью любуясь, молчим.

...Не сельсовет и не вече,
Без разных бумажных забот
Навечно
увековечил
Отцовскую память народ.

Скажи мне, Платоныч, по правде,
Ему говорю, наконец,
За это высокое право
Что сделал такого отец?

— Что сделал?— взлохматил тот брови,
Как будто вопрос был нелеп,
Потом помолчал и промолвил:
Он первый, кто сеял здесь хлеб.

Кто землю баюкал и нянчил
И нам к ней любовь завещал...
Волнения в сердце не пряча,
Он бросил сигарку и встал.

Скомандовал хрипло: «По коням!»
И сам — на комбайн.

И — айда!

За ветром рванулся в погоню,
Туда, где кипела страда.

Смотрел я, как дружной ватагой
В звенящей полынной дали
Громады комбайнов в атаку
На хлебную ниву пошли.

Казалось мне — степь сама вздрогнула,
Привстав на стальных стремях,
... Мы в хлеб запускали ладони,
Сдували полову с зерна,

Пропахшего жарким раздольем,
Всем тем, чем напоена степь...
Так вот он, с отцовского поля,
Душистый,
с горчинкою хлеб!

В нем гулких моторов раскаты,
И хлестких ветров круговерть,
Сиреневых плавных закатов
В озера упавшая медь.

Мы бережно взяли по горстке
И пробуем молча на зуб
И зарево зорь хлебоборбских,
И душных июлей грозу.

А солнце сверкает неистово,
Как будто бы сварку ведет...
И хлеб золотым обелиском
Встает на току каждый год.

СИБИРСКИЕ МАДОННЫ

Осатанело выюги стонут
На перепутьях дум-дорог.
Спешат сибирские мадонны
К невольникам
в глухой острог.

О, эта добровольность плена
В медвежьем сумрачном углу!
...Пурга, как пляска пунша пенного,
Как всплески платьев на балу.

Снега, снега, как приведенья,
Да редких огоньков игра,
Всей жизни стоит отречение
Во имя долга и добра.

Лишь только след саней поющих,
Звонящих елей серебро,
...Узнав про то мгновенье,

Пушкин

Возьмется гордо за перо.

В час вдохновенья, полный страсти,
Предвидя на Руси восход,
До современников Некрасов
Великий подвиг донесет.

И на сибирских старых улицах,
Мне в зимний день,
под свист пурги,

Из века прошлого почудятся
Тех женщин доблестных
шаги.

И я отдам поклон им низкий
За то, что шли в неравный бой
За честь души, за бескорыстие,
За верность долгу, за любовь.

За то, что путь их был увенчан
Высоким светом красоты,
За то, что ищем в наших женщинах
Чеканных профилей черты.

И пусть уже давно настали
Иные времена и дни,
Но в час суровых испытаний
С гравюр глядят на нас они.

И ищут взором напряженным
На жгучий свой вопрос ответ:
«Достойны ль мы, чтоб наши жены
Вот так пошли за нами вслед».

БЕССМЕРТНИК

Он затерялся бы в букете
Цветов пахучих, словно мёд...
Зато —
с названием бессмертник
На свете белом он живет.

Не привередливые розы,
Ни колокольчик полевой
Не выстоят, как он, в морозы,
Не выдержат палящий зной.

А он стоит, согретый солнцем,
Опрятен, радостен, пригож...
И сам на солнышко он

словно

Своей наружностью похож.

Ну что с того, что не для вазы
Рожден бесхитростный цветок,
Зато в стакане он отважно
Рыжее, словно огонек.

Его выбрасывать не смей ты,
Пусть греет душу нам зимой,
Хоть мы с тобой простые смертные —
Пример с бессмертника возьмем.

* * *

Стихи рождаются из прозы,
Они рождаются тогда,
Когда шумят над нами грозы,
Когда нам сердце жжет беда.

Они рождаются, когда нам
Бывает в жизни тяжело,
Когда наносит недруг раны,
Когда с добром схлестнулось зло.

Любви и ненависти пламя...
Борьба грохочущих стихий...
И мы не замечаем сами,
Как зреют в недрах душ стихи.

Когда обида не стихает,
Огнем прицельным бьет навет,
Мы защищаемся стихами,
И лучшей

нам защиты нет.

„Шумят, как очищенье, грозы,
Идет сраженье душ и слов,
Стихи рождаются из прозы,
И нет весомее стихов.

КАПИТАНЫ СВОБОДЫ

13 июля 1826 года на флагманском корабле «Князь Владимир» совершена гражданская казнь моряков-декабристов.

Среди них морские офицеры гвардейского и других флотских экипажей: Бестужев, Кюхельбекер, братья Беляевы, Чижев и другие.

15 человек были как государственные преступники приговорены к лишению чинов и дворянства, к каторге, разжалованы в солдаты.

В парадную форму одеты,
Становятся узники в ряд,
Срываются с плеч эполеты
И в бездну морскую летят.

От жертв отступив на три шага,
В каре замирает конвой...
Со свистом ломаются шпаги
Над ними —

одна за другой.

В Сибирь офицеров опальных
Отправят —

с лишением чинов...

Закованы в цепи на палубе
Бестужев... Беляев... Чижев...

Баркасы отходят от берега,
Пронзительно чайки кричат,
...Не станет ни Куком, ни Берингом
Ни этот,
ни тот лейтенант.

Но верят они:

через годы
Взойдет над страной восход,
А их в капитаны свободы
Россия произведет.

И пусть не положен при этом
Ни крест и ни блеск эполет,
Но выше нет званья на свете,
Где знаков отличия нет...

КОЖАНКА

Нет дефицитнее товара,
Чем модный кожаный пиджак,
Но есть кожанки комиссаров,
Летающие в огонь атак.

А это —

не одно и то же,
Поймите,

модники страны:
Подорожала нынче кожа,
Но тем кожанкам —

нет цены!

ЧУДАКИ

Творить всегда —
кому на радость,
Кому на зависть...

И вам вслед
Несется едкий смех: «Не надо
Изобретать велосипед».

Но все же стройте и стругайте,
Вникайте зорко в чертежи...
Пусть вас бракуют и ругают,
Не надо, чудаки, тужить!

Дерзайте,
в облаках витайте,
Гоните прочь покой и сон,
Велосипед изобретайте,
Ведь лучший —
не изобретен.

Когда приходит вдохновенье —
Пред ним ничтожен взгляд косой,
Так пусть живет в нас древний гений,
Кто первым сделал колесо!

УЧИТЕЛЬ

Нас увозит куда-то поезд...
Ждет тайга нас.

И ждет нас полос,
А учитель наш остается...
На всю жизнь нам
урок им дается —
Чести, совести и благородства.
Он ответствен.

И он причастен.
К нашим радостям.
К нашим несчастьям.
Нелегко в большом его мире:
Дважды два — не всегда четыре.
И как правила деления,
Там удачи,
а там... сомненья.

И в сердцах он ведет неустанно
То сложение, то вычитание
И побед, и надежд на успех,
Лишь бы счастье было у всех.

Мы уходим...
А он упорно
Никуда от нас не спешит,
Извлекая квадратный корень
Человеческой души.

* * *

Строчек огненная плавка,
Что идут в нелегкий бой,
Выдается после правки,
Где редактор — горновой.

И порою до рассвета,
Как мартеновская печь,
Плавит свой глагол газета,
Чтоб сердца людские жечь.

ГЛАЗА В ГЛАЗА

СКОРЫЙ

На полустанке
 транссибирской
Дороги,
 замедляя ход,
Промчится скорый пассажирский,—
И чей-то взгляд к стеклу прильнет.

Свет излучая фиолетовый,
Летя в полуночную мглу,
Как будто кадры киноленты,
Вагонов окна промелькнут.

Что там, за шторами из ситца:
беда, разлука,
 счастье,
 боль?

Чьих судеб таинство вершится,
Чье горе там и чья любовь?

...Скользнет туманный взор с тревогой
За фонарем последним вдаль,
Качнется, как во сне, в дороге
И чья-то радость, и печаль.

Вновь промелькнет разъезд,
и — сгинет,
Курьерский — наберёт свой ход...
Как будто фильм многосерийный
Безостановочно пройдет.
В нем — непокой и вечный поиск,
Миг отступлений, свет побед...
Несется жизнь, как скорый поезд,
Которому возврата нет.

ВРЕМЕНА ГОДА

Снег побелил и обновил
Деревья, улицы и годы,
Пусть осень — это черновик,
Зима, как чистый лист природы.

Играет вдохновенье в нас,
Мы снова делаем пометки,
Не замечая, как весна
Приходит,
кровь волнуя жарко.

На холст наносит краски кисть,
Играет радугою цвета,
И вот —
откуда ни возьмись —
Шедевр самой природы —
лето!

ПТИЧИЙ БАЗАР

За окном —

птичий крик и галдеж,

Не весна ли пришла?

Не поймешь.

За окном — седовласый январь,

На дворе — гололед и хмарь,

Ну, а птицы кричат и кричат,

Стукнуть клювом в окно норовят,

В чем же дело?

Кто-то сказал:

«Знаю я — это птичий базар!

...Мне под утро туманное снится:

Торг ведут на заре синицы,

Торопливо судачат сороки,

Разбирая чьи-то пороки.

Воробьи распетушились,

Вербь белым снегом умылись,

Ароматом запахло весенним,

Разлилось по земле всей цветенье,

И, как говор сорочий, речисто

Зазвенели ручьи лучистые,

Птицы с гомоном,

шумно скандаля,

У зимы весну покупали.

* * *

Ползла поземка по земле,

Померк закат в снегах лиловых,

Я брел один среди полей,

Волшебной силой околдован.

Я брел и падал.

Но опять

Чтоб не заснуть,

чтоб не застынуть

С одною мыслью — надо встать,—

Вставал в заснеженной пустыне.

А тишина плыла, как страж
Глухого снежного раздолья,
Каким был радужным мираж,
Каким бескрайним было
поле.

Где вечным сном курганы спят,
На зыбкий снег отбросив тени,
С трудом я сбрасывал с себя
Картины злого наважденья.

Не знал тогда я, что опять

Придет мираж ко мне

в полночной

Морозной тишине палат

Казнить,

испытывать на прочность.

И с той же магией игры
Опять метель завоет звонко.
Завьюжив снежною поземкой
Бинтов
в руках у медсестры.

Как в поле, нрав её суров
В больничном полумраке душном,
Со стоном падаю в сугроб
Карболкой пахнущих подушек.

Но в тот же миг,
 длиной в года,
Хочу я в полный рост подняться.
И не сдаваться,
 не сдаваться
В плен белой вьюге —
 никогда!

* * *

Эту землю не охватишь взглядом,
Только на три шага отступи,
И — увидишь ниву
 в неоглядных
Островах березовых в степи.

Вьются осы над полями мирными,
Где незримо зреет урожай,
Где холмы, как дерзкие батыры,
Тишину степную сторожат.

Где прошли подобно урагану
В небыль

 кочевые племена,
Канули под вечными курганами
Всадников забытых имена.

И —
 суровы перелесков думы,
И —
 тревожен птиц весенних гам,
И —
 костями воинов Кучума
По степи белеть солончакам.

И кругом,
 где облака кочуют,

Когда мы бродим переулками
И город сумраком объят,
Ревную к снегу, словно к скульптору,
Что взял в натурщицы тебя.

* * *

Все кричат на свадьбе:
«Горько!»

В голос дружно...
Да и только.

Стерла слезы ты украдкой:
Горько —

это значит сладко.

Это значит,

это значит,

Все желают вам удачи.

Почему же у любимых
Жизнь порой невыносима!

Почему же, почему же
Столько ссор у них ненужных.

И как будто ненароком,
Столько споров и упреков

И раздоров разных столько...

В самом деле: горько, горько.

Горько! Горько!

Но любимый

Подойдет.

Тебя обнимет...

В полумраке зыбком-зыбком

Ты засветишься улыбкой,

И смахнешь слезу украдкой:

Горько —

это значит сладко!

* * *

Пусть характерами схожи...
Уготовила судьба
Выбирать нам чаще все же
Непохожих на себя.

Да легко ли равных встретить
И душой,

и сутью всей?

Потому что нет на свете
Одинаковых людей.

И поверьте —

будут пресны

Только тишь да благодать.

Это даже интересно

Каждый день себя ломать.

Пусть из двух вулканов кратеры
Дышат огненной грозой...

Притираются характеры —

Лед и пламя —

Твой

и мой.

Непохожи...

Только все же

Через много лет и дней

Посмотрите, как вы схожи

Даже внешностью своей.

* * *

Говоришь ты мне все чаще
И не требуешь ответ:

В пониманье, видно, счастье,
А его, как видишь, нет.
Благодарен я заранее
Этой правоте твоей:
Да, порою понимания
Нет у близких и друзей.
Я твоим словам внимаю,
Только как мне объяснить,
Что излишним пониманием
Можно даже оскорбить.

Говори — я весь внимание —
Про себя и про меня...
Иногда непонимание
Тоже надо бы понять.

Впрочем, видно, виноват я,
Что шагаю
 сам не свой,
Всем, наверное, понятный
И непонятый тобой.

* * *

С душою, полною огня,
Ты горечь слез в подушку прячешь.
Ты рождена — не для меня,
Я для тебя —
 не предназначен.

Я не создал тебе чудес,
И ты в меня давно не веришь...
Но мир прекрасен, если есть,
Кому ты целый мир доверишь.

Кто у тебя печаль уймет,
Как будто волосы причешет,

Кто обнадежит и поймет
И словом ласковым утешит.

И в ком
 в предчувствии беды
Никак не сможешь усомниться,
Как две мерцающих звезды,
Одна душа
 к другой стремится.

Так где ж мы ходим,
 боже мой,
Когда полжизни за спиною,
И я,
 не встреченный тобой,
И ты,
 не встреченная мною?

ИЮНЬ

Белым снегом засыпан июнь,
Снег летит — только ветром дунь.
Ты на свете такая одна,
Тополиная седина.

Еще молодость не прошла,
Голова не белым-бела,
Но снежинка, как будто в лесах,
Заблудилась в твоих волосах.

А еще на дворе июнь,
А еще ты, как тополь, юн.
Но однажды проходит весна
И летит с тополей седина.

ЛИСТОГОН

Надо мною кружит листогон,
Будто шел впереди почтальон
И набитою сумкой потряс...
Ты пришла на почтамт сентября.

Письма,
 марки эпох и времен
Закружил вокруг
 листогон.

Опускается в руки само
Неизвестно откуда письмо.

В нем обратного адреса нет,
Это что?
 Запоздалый привет
Кто-то вдруг от тебя передал...

Ты прости меня.
 Видишь? Не ждал...
Но, наверное, это не сон...
...Что-то долго кружит листогон.

* * *

Скользит твой взор за птичьей стаей,
Поднявшей утром ранним крик,
Вот щебет птиц тех,
 нарастая,
И в нашу форточку проник.

Не зная, отчего бы это,
Ты вдруг почувствуешь душой,
Как пахнет теплым полем ветер,
Как манит день голубизной.

**Пусть снег лежит,
 свинцово-тусклый,
Пусть дни и ночи холодны,
Но надо жить всегда предчувствием
Надежды, веры и весны!**

КАЛЕНДАРЬ

Как всегда, без опоздания,
С января до января
Опадает, опадает
Снег листов календаря.

И летят,
летят страницы
В череде незримых дней,
И сужаются границы
С каждым годом
жизни всей.

Я нарочно позабуду
По утрам листки срывать,
Хотя знаю — будет трудно
Повернуть мне время вспять.

**Укротить бы мне однажды
Равномерных суток бег...
Что летишь ты, снег бумажный,
Настоящий — выпал снег!**

**Скрыл друзей ушедших
лица
Безмятежный снегопад...
Только как мне примириться
С тихой горечью утрат?**

* * *

Почему-то непременно
Ходят парюю всегда
Вместе с верностью измена,
Рядом с радостью — беда.

По одной идут дороге,
Нет надежнее подруг...
Мне б хотя бы ненадолго
Разорвать порочный круг.

Но со мной они — как тени,
Будто нет иных путей,
Видно, цену обретений
Не понять нам без потерь.

* * *

Осенний лес и пуст, и гол,
Хоть кто-нибудь сюда б зашел!
Но... не заходят.

Не заходят!

Ко мне придут друзья сегодня,
А завтра, может, не придут...
Вот так тихонько предают.
Будь славен тот, кто в лес пришел,
Когда он пуст, когда он гол!

СВЯТАЯ ЛОЖЬ

Ты совесть, друг,
 мою не трожь,
Не надо мне морали праведной,
Пойми, что есть святая ложь,
Святая ложь — во имя правды.

Так до взросления порой,
Скрывая тайну от ребёнка,
Ему с открытою душой
Мы лжем расчётливо и тонко.

Так врач, ведя с недугом бой,
Скрывает свой диагноз грозный,
Чтоб веру обретал больной
В оптимистических прогнозах.

Берёт грех на душу?

Ну что ж,
Есть исключения из правил,
Я только за святую ложь...
А в остальном —
пусть будет правда!

* * *

Когда закружит в поле вьюга
И круто заметут снега,
Дай бог, спастись от лести друга
И злобной клеветы врага.

И от усердного участия
Всех тех,
кто нам бывает рад,
И от избытка того счастья
Что накукуют,
насулят.

От неприязни затаенной,
Что бьет, как ток по проводам,
И от любви неразделенной,
И от всего,
в чем трудно нам.

ГЛАЗА

Вот так порой бывает в жизни,
Когда идет нечестный спор,
Мы друг от друга, как чужие,
Вдруг отворачиваем взор.

Когда идет сердец поверка,
Когда беда
 или гроза,
Как важно, чтоб друзья,
 как в зеркало,
Глядели бы
 глаза в глаза.

* * *

А полуправда — это ложь,
И сколько раз
 её ни множь,
Как на весы ни положи,
Не перетянет чашу лжи.

Не сыщешь истин в спорах мнимых,
Лишь сердце обнажив до дна.
Поймешь, что правда неделима,
И потому всего одна.

Себя считает каждый правым
За честь души своей
 в борьбе,
И все ссылаются на правду...
Но все ж —
 ищи её в себе!

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

В разгаре лето.

Но скатилось

Пораньше солнце за село...

Еще ничто не изменилось,

Но что-то все ж произошло.

Так замирает на излуче

Реки,

где небосвод уснул,

Почувяв перемену, щука,

Хвостом нечаянно плеснув.

Так замирает на изломе

К глубокой осени душа,

И я в предчувствие незнакомом

В дороге замедляю шаг.

Во мне сомненья смутно бродят...

Самой природой отведен

Вот этот возраст переходный

Для всех людей

и всех времен.

Не только там он, где граница

Из детства в юность пролегла...

...На землю желтый лист ложится.

Нет, нет!

Еще к нам не пришла

С дождем и листопадом осень,

Но лета чувствуя исход,

Светлеет паутинки проседь

Да все душа чего-то ждет.

И ты тревог своих не прячешь,
И ты
 в свою
 поверишь ложь,
Что можно жить начать иначе,
Но жить иначе —
 не начнешь.

* * *

Еще зима свершает бег,
Еще звенеть капли рано,
Но с рынка я несу тебе
Три огонька живых тюльпанов.

Неуловим весенний дух,
Что нам на север прислан с юга,
Как важно, чтоб он не потух
В твоей душе
 и сердце друга.

Как важно хрупкие огни,
Что маем вдруг на нас повеяли,
С тобой нам бережно хранить,
Чтоб мы опять в весну поверили!

* * *

Мы, конечно, не вечны,
Только вечны всегда
Синь небес бесконечных,
И снега,
 и звезда.

Эх!
 Пролиться б дождями,

Быть —
и всплеском воды,
И печальным дрожаньем
Одинокой звезды,
Белым снегом черемух,
Звоном колоса в зной,
Ивы
 сладостной дремой
Над степною рекой...

Чтоб закат долго-долго
Над землей догорал,
Чтобы кто-то в восторге,
Как и я,
 замирал.

СНЕЖНАЯ ЯГОДА

Каждому в срок
 выпадает цветенье,
Каждому в срок —
 созреванье плодов.
Каждому в меру
 и света, и тени,
Каждому —
 столько-то дней и годов.

Лето прошло.
 Хмурой осени флаги
Тихо припущены с темных ветвей,
Все отцвело.
 Только снежная ягода
В роще пустой зацветает сильней.
Ягода-ягода,
 белая-белая,

Что же случилось, скажи мне, со мной,
Не для того ль ты так рано поспела,
Чтоб обернуться метельной зимой.

* * *

Караван гусей плывет вдали,
Слышится их хор многоголосый,
Что они с собою принесли,
Древние и мудрые философы?

Каждый раз, когда придет весна,
Разгадать стараюсь я, как тайну,
Птичьего народа письма,
Колдунов крылатых бормотанье.

И смотрю я долго птицам вслед...
Жаль, что им не выразить словами
Из миров заоблачных привет
Нам от тех,
кого давно нет с нами.

ЗАКАТ

Мой предок, бесконечно дик,
Взлохмаченный и запыленный,
Остановился у воды,
Закатом солнца пораженный.

И замерло в руке копьё,
Была отложена расплата,
Когда увидел он, как пьёт
Лосиха
зареву заката.

**Напрасно подавался знак
Ему, плененному навеки.
А он, поверженный, не знал,
Что стал впервые ... человеком!**

Легко меняют очертанья,
В высоком небе облака:
То всадник прѣмелькнет,
то странник
Шагает с посохом в века.

**Я удивляюсь не на шутку,
Когда порою надо мной
Плывут —
 то купол парашюта,
То дед с дремучей бородой.**

Не потому ль
полдней тишь,
Прикрыв ладонями глаза,
То ль ветра шорохи я слышу,
То ль чьи-то слышу голоса.

**Пусть не пришла ещё разлука
Со всем живым, но наяву
Мне кажется:
 раскинув руки,
Я сам, как облако, плыву.**

* * *

Цветы — весной,
кукушка летом,
белый чистый снег —
зимой.

(Старинное японское трехстишие)

А как себя я в мире выразил?
Кем был? И правильно ли жил?
И сына я пока не вырастил,
И строк бессмертных не сложил.

Уже за полдень годы тянутся...
Нет прежней силы и огня,
Так что же все-таки останется
На этом свете без меня?

Лесная синяя опушка,
Звезда, упавшая в реку,
И одинокая кукушка
С её обманчивым: ку-ку...

Останутся на белом свете,
Пусть без меня —
с моей землей —

Цветы — весной и птицы летом,
И белый чистый снег зимой.

СОДЕРЖАНИЕ

Из той тишины

«Встают над июнем рассветы...»	5
«Гремят о шеломы мечи...»	7
Пора сухороса	8
Лодейное поле	8
Репродуктор	10
Черная береза	11
Эхо тишины	11
Побудка	12
«Ах где вы, мальчишки-задиры»	13
Две войны	14
Подранки	15
Детство	15

Мы твои родники

Солдат	17
Сухарь	19
«Только выйдет зорька...»	20
Разъезд	21
Васильки	22
Надежда	23
Синица	24

Дядя Гнат	24
Родинка	26
Зерна в конверте	27
Осенний лист	28
«Знакомый нехитрый пейзаж...»	29
Родник	29
«Все слаще пряный дух отавы...»	30
«Под крылом — в немерянных просторах...»	31
«В печурке белой яростно горят...»	32
«Открыты широко ворота...»	32
Дед Егор	33
Березы	34
Старый дом	35
Колос	36

Во имя долга и добра

Крылья	38
Бригадный наладчик	40
Отцовская нива	41
Сибирские мадонны	43
Бессмертник	44
«Стихи рождаются из прозы...»	45
Капитаны свободы	46
Кожанка	47
Чудаки	48
Учитель	49
«Строчек огненная плавка...»	50

Глаза в глаза

Скорый	51
Времена года	52
Птичий базар	53
«Ползла поземка по земле...»	53
«Эту землю не охватишь взглядом...»	55

«Все в семнадцать считается первым...»	56
«Море мне подарено тобою...»	56
«Всегда душой к тебе стремиться...»	57
«И в ревности есть просветленность...»	58
«Все кричат на свадьбе: «Горько!»	59
«Пусть характерами схожи...»	60
«Говоришь ты мне все чаще...»	60
«С душою, полною огня...»	61
Июнь	62
Листогон	63
«Скользит твой взор за птичьей стаей...»	63
Календарь	64
«Почему-то непременно...»	65
«Осенний лес и пуст и гол...»	65
Святая ложь	65
«Когда закружит в поле вьюга...»	66
«Я не знаю, как же так случилось...»	67
«Как важно вовремя уйти...»	67
Глаза	68
«А полуправда — это ложь...»	68
Переходный возраст	69
«Еще зима свершает бег...»	70
«Мы, конечно, не вечны...»	70
Снежная ягода	71
«Караван гусей плывет вдаль...»	72
Закат	72
«Легко меняют очертанья...»	73
«А как себя я в мире выразил...»	74

Владимир Георгиевич Шестериков

ЛИЛОВЫЕ СНЕГА

СТИХИ

Редактор

К. Молдагалиева

Художники

Р. Слюсарева, Д. Мухамеджанова

Художественный редактор

Л. Тетенко

Технический редактор

А. Мулкебаева

Корректор

Б. Алишмбаева

ИБ № 3937

Сдано в набор 10.08.87. Подписано в печать 19.11.87. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная № 1, 100 гр. Гарнитура «Тип Бодони» Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,93. Усл. кр.-отт. 6,07. Уч. изд. л. 3,05. Тираж 6800 экз. Заказ № 1165.
Цена 35 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Фотонабор

Шестериков Владимир.

Ш 52 Лиловые снега: Стихи.— Алма-Ата:
Жазушы, 1988.—80 с., ил.

Поэт пристально вглядывается в духовный мир своего современника, человека ищущего, беспокойного, граждански активного и бескомпромиссного. Стремится раскрыть такие его черты как мужество, сила духа, доброта.

Гражданская позиция, жизненная философия автора отчетливо чувствуются в его поэтических раздумьях, привлекающих своей открытостью, искренностью и задушевностью.

Ш 4702010200—133
402(05)—88 153—88

84P7—44

35 к.